

«Главная роль — впереди»

Рассказывает
народный артист РСФСР
Олег Басилашвили

НЕТ НИЧЕГО удивительного в том, что народный артист РСФСР Олег Басилашвили знаком миллионам зрителей, хотя в Академическом Большом драматическом театре имени М. Горького, где он работает, — всего 1402 места! К счастью, есть «смежные» виды искусства, сделавшие его талант достоянием всей страны. Поток писем не меньший, чем после театральной премьеры «Дяди Вани», вызвал мастер своими ролями в фильмах «Осенний марафон» и «Вокзал для двоих», вечером поэзии Маяковского, показанном по телевидению.

— Олег Валерианович, при большой загруженности в театре вы так много интересного успеваете делать за пределами дома на Фонтанке! Что это — желание пробовать себя в новом качестве или расширение литературного материала, или способ освежения творческих сил?

— Ответ один — да. А все вместе взятое помогает сохранять хорошую творческую форму. Я пришел в БДТ не таким уж новичком, но класс актеров знаменитой труппы был настолько высок, что стало ясно — мне еще расти и расти. Такой школой накопления практического опыта, помимо театра, стала для меня работа на Ленинградском телевидении. Здесь я сыграл Обломова, Банко в «Макбете», попробовал себя в пьесах Ибсена, Брехта. То был замечательный телевизионный театр (увы, с годами он не развив интересной опыт), и мы, молодые актеры 60-х годов, благодарны ему за дружеское доверие.

— А кинематограф? Как вы относитесь к сетованиям некоторых артистов на то, что кино, дескать, лишь эксплуатирует театральный опыт, ничего не давая взамен?

— Убежден, что это не так. Кинематограф с его требованием подлинности существования несомненно повлиял на язык театра, понизив, если так можно выразиться, потолок допустимых условностей. Актер, много работающий в кино, острее ощущает, где он фальшивит. Сценическое действие стало естественней, достоверней. Я уж не говорю, как много дает общение с такими режиссерами, как Георгий Данелия, Эльдар Рязанов, Никита Михалков, Андрей Тарковский.

— Теперь мы открываем вас как интересного радиоактера...

— Работа перед микрофоном требует предельной выразительности, голосом нужно как бы нарисовать то, чего не видит зритель. Это, если хотите, — радиотеатр. Именно с таких позиций подходил я к работе

над радиокомпозицией по «Мольеру» Михаила Булгакова и детским циклом «Все кувырком» английского писателя Дональда Биссетта — он оказался увлекательным и для взрослых.

— А как вы пришли к идее поэтических вечеров на эстраде?

— Да просто взяла обиды: не могу примириться, что стихи на эстраде подчас воспринимаются, извините, как дежурное блюдо. Объявляют чтеца — зрители думают: ладно, потерпим, после него, может, фокусник выйдет... Такая вот нелепость! Решил попробовать читать стихи — сначала в небольших аудиториях, где нет обстановки большого концерта и можно импровизировать. И убедился, что зрительный зал завоевать можно. Я пытаюсь не играть и не читать, а нечто вроде этого — пытаюсь разговаривать Люблос освещенный зал, где хорошо видны лица. Читаю Есенина, Уткина, Евтушенко...

— Особенно мне нравится в вашем исполнении Маяковский. Такие вдруг открываются в его поэзии лирические глубины!

— С Маяковского давно пора снять хрестоматийный глянец, что я по мере сил и пытаюсь делать. Из-за какой-то укоренившейся прямолинейности школьных программ он выглядит удивительно упрощен-

но. И выходит, что в скольжении по стихам Маяковского мы зачастую не доходим до сути.

— Среди афиш в вашей гриммерной я вижу одну «пушкинскую»: вы ведь участвовали в концертной премьере вокально-хореографической симфонии Андрея Петрова «Пушкин» в Большом зале Филармонии?

— Да, это было безумно трудно, хотя я знал наизусть почти все, что мне надо было прочесть. Но как знал? По-школьному... А когда начал вживаться в стих, обдумывать паузы, переносы, инверсии, то столько пришлось разгадать увлекательных загадок! Дирижер Юрий Темирканов трепетно подошел к этой работе, я на концерте я, можно сказать, прятался за музыкой. Да, да, так и было. Потому что когда потом я попытался читать то же самое без музыки — не пошло. Что-то все время ускользает от меня в гениальной пушкинской простоте.

— Каких еще поэтов вы собираетесь читать?

— Грузинских — в лучших русских переводах. Русские читатели, к сожалению, плохо знают грузинскую поэзию, хотя есть прекрасные переводы Пастернака, Заболоцкого, которые с изумительным мастерством передают даже клетку горской речи.

— Вы получаете много писем, но, видимо, никакая переписка не может заменить жи-

вого общения со зрителем?

— И потому театр был и остается для меня наиглавнейшим делом. Зрительный зал ведь — это еще один режиссер. Бывает, выходишь на сцену усталый, трудная была репетиция, не совсем ты здоров, а зрители не аплодисментами, не чем-то внешне выраженным, а магнитным полем своим захватывают тебя, и становится легко и радостно играть.

— Юмор... Какое значение имеет он в вашей работе?

— Лучшее средство от перегрузок. Мне особенно приятны люди, способные чистосердечно вместе со всеми смеяться над собственными недостатками. Как важно мудрым глазом юмориста взглянуть на себя со стороны и понять, насколько ты бываешь нелеп и смешон в каких-то ситуациях.

— С этих строгих позиций как вы расцениваете свой дебют в БДТ?

— В знаменитом спектакле «Варвары» на фоне замечательных созданий наших актеров я играл Степана Луккина. И так мне хотелось выделиться в этой маленькой роли (чего делать, в общем-то, никогда не надо), что я выделился, только в противоположную сторону.

— Неудачи очень выбивают вас из колеи?

— Переживаю их болезненно. Но следует ко всему философски относиться. Неудач гораздо больше, чем удач, так что надо быть заранее готовым к тому, что путь не усыпан розами.

— Из сорока восьми лет ровно полжизни вы — в Большом драматическом. Что значит для вас этот театр?

— Именно благодаря БДТ все мы, и я в том числе, стали теми, кто мы есть. У нас в театре бывают и светлые и горькие минуты. Всякое бывает, но я счастлив тому обстоятельству, что работаю под руководством Георгия Александровича Товстоногова. На репетициях он ставит перед нами подчас крайне сложные задачи, все время ломает наше привычное представление о собственных возможностях, делает сотворениями спектакля... А у времени действительно какое-то космическое ускорение. Кажется, еще вчера мы играли «Океан», «Три сестры», а прошло уже почти двадцать лет. И сейчас я выхожу на сцену в «Дяде Ване» — и чеховское слово звучит совсем иначе, чем во времена моей юности, когда я старался не пропустить ни одного спектакля с участием великих стариков МХАТа. Время потому, наверное, так незаметно пролетает, что сам театр постоянно находится в пути.

— Нет желания порой остановиться, оглянуться?

— Вот ведь оглянулся сейчас... Но как-то постоянно думаешь о новой работе. И, конечно, всегда надеешься, что главная твоя роль — еще впереди.

Беседу вел
О. СЕРДЮКОВСКИЙ,
корр. ЛЕНТАСС

● О. Басилашвили в спектакле «Мольер».
Фото Ю. Шенникова